

УДК 821.35

ББК 83

**А.М. Муртазалиев,
Ф.Х. Мухамедова,
М.Н. Набигулаева**

МИР НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭМИГРАЦИИ В ТВОРЧЕСТВЕ РАСУЛА ГАМЗАТОВА

Творчество выдающегося поэта современности Расула Гамзатова представляет собой уникальное явление, соединившее в себе полноту поэтического и философского осмысления мира и национальных особенностей своего народа. С этой точки зрения определенный интерес вызывает проблема философской концепции восприятия поэтом в своем творчестве такого сложного и неоднозначного явления, как национальная эмиграция, ее природа и психология, раскрытие особенностей ее художественного осмысления.

Ключевые слова: *диаспора, Расул Гамзатов, этнокультурное сознание, родной язык, элегия, историческая родина.*
DOI 10.23683/1995-0640-2018-3-174-182

Муртазалиев Ахмед Магомедович – докт. филол. наук, заведующий Центром изучения литературного наследия Расула Гамзатова Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы ДНЦ РАН
Тел.: +7-928-673-78-13
E-mail: ahmurt@mail.ru

Мухамедова Фатыма Хамзаевна – докт. филол. наук, главный научный сотрудник Центра изучения литературного наследия Расула Гамзатова Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы ДНЦ РАН
Тел.: +7-967-397-02-39
E-mail: fmuhamedova@mail.ru

Набигулаева Маржанат Набигулаевна – канд. филол. наук, научный сотрудник Центра изучения литературного наследия Расула Гамзатова Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы ДНЦ РАН

© Муртазалиев А.М., Мухамедова Ф.Х., Набигулаева М.Н., 2018.

На протяжении всей своей творческой жизни Расул Гамзатов проявлял интерес к явлениям дагестанского зарубежья, к судьбам соотечественников, проживающих в разных странах мира. Впервые в дагестанской литературе подняв эту тему еще в 1950-х гг., поэт в дальнейшем в своих произведениях разного жанра демонстрировал мучительный поиск адекватных в разные эпохи путей и методов художественно-философского осмысления этой актуальной для дагестанского общества проблемы.

В ходе многочисленных зарубежных поездок, в том числе и в страны, где компактно проживают выходцы из Дагестана, во встречах, знакомствах, личных беседах с представителями разных слоев дагестанского зарубежья Р. Гамзатов открыл для себя доселе неизвестный мир, стремящийся в окружении чужих цивилизаций сохранить свои этнокультурные и языковые особенности. Это был мир, о котором он имел лишь предвзятое, поверхностное представление, сложившееся во многом под влиянием той политики, которая рассматривала национальные эмиграции как явление, враждебное советскому обществу.

Близкое знакомство с соотечественниками, проживающими в других странах, в другом цивилизационном пространстве, но при этом сохранившими свое этнокультурное сознание, родной язык, дало Р. Гамзатову богатую пищу для раздумий над судьбами своего народа, над его прошлым и настоящим, над его местом и ролью в современном мире. Так появились, например, в его книге «Мой Даге-

стан» новеллы, рассказы, притчи о художнике-дагестанце, живущем в Париже, Али Алиеве и турецком борце, потомке аварских мухаджиров, горстке земли, посланной потомкам Шамиля в Турцию, о горце, приехавшем в Дагестан через пятьдесят лет и т.д. В основе этих мини-повествований лежат реальные факты, наблюдения, впечатления автора. Вместе с тем, по-своему интерпретируя их, доводя до художественного обобщения, типизации, Гамзатов оставался на позициях социалистического реализма и установок официальной идеологии. А это, в свою очередь, требовало от него, как писателя, однозначного осуждения самого явления диаспоры и его представителей, которые априори считались в социалистическом государстве предателями, врагами народа и родины, агентами иностранных разведок. Как пишет Л.Г. Федосеева, «в 50-е годы проблема эмиграции и национальных диаспор... политически клеймилась, определялась однозначно негативно, освещалась как культура, предающая интересы народа (жившего в СССР), порвавшая все традиционные связи со своей родиной, а если и существовавшая, то в основном выполнявшая или задания ЦРУ или магометанско-мусульманских служб» [Федосеева, 1993, с. 15].

И, действительно, читая книгу «Мой Дагестан» или стихотворения, посвященные дагестанцам, проживающим в Турции, на первый взгляд, кажется, что к осмыслению проблемы национальной диаспоры Гамзатов подходит несколько настороженно, порою подчеркнуто предвзято, с оттенками осуждения. Вот что он пишет: «Иные дагестанцы оказались вдалеке от родины еще во времена Шамиля. Ушли от своих очагов на поиски счастья, которое не удалось дома. Другие уехали, не поняв революции или поняв, но испугавшись, а третьих революция выдворила сама. Есть и четвертые, самые негодные, самые жалкие и потерянные... Мы не считаем этих людей, когда говорим, что нас, дагестанцев, полтора миллиона...» [Гамзатов, 1985, с. 336].

Между тем не все так однозначно было в позиции поэта в отношении выходцев из Дагестана, проживающих в других странах. При внимательном чтении книги, там, где он размышляет о соотечественниках, живущих на чужбине, обращает на себя внимание фраза: «*Разных дагестанцев видал я...*» Да, разных соотечественников повстречал поэт в своих многочисленных зарубежных поездках. И разное у него к ним отношение: одних он осуждает, других клеймит, но есть и те, о которых он пишет с грустью, тоской и сочувствием. Это в основном простые соотечественники, чья трагическая судьба вызывает у него искреннее сочувствие, понимание.

В начале 1970-х гг., после очередной поездки в Турцию, Р. Гамзатов написал два стихотворения в жанре элегии, посвященные теме диаспоры: «*Заблудившиеся рыбаки...*» («*Нух къосарал ччугИхъаби...*») и «*Перелетные птицы...*» («*Роржун рачIунел хIанчIи...*»), объединенные в небольшой цикл под названием «*Стихи, прочитанные дагестанцам, живущим в Турции*» («*Турциялда ругел дагъистаниязе цIаларал кучIдул*»). Оба текста, имеющие единую идейно-тематическую целеустановку, демонстрируют

умение поэта находить адекватные намеченной проблеме художественные пути и способы ее решения. В первую очередь это проявляется в умелом подборе соответствующей авторскому замыслу лексики, надлежащих поэтических троп, а также организации языковых средств, призванных повысить эмоциональность высказываний лирического героя, усилить чувственное воздействие стихотворного текста, способствовать его большей выразительности и доходчивости.

Смысловый и эмоциональный зачин в стихах задается уже в первых строфах, первыми же строками:

Нух къосарал ччугИхъаби,
 Чу биларал рекІарал,
 ВатІан тун рикІкІад ругел,
 Кинаб нужер чІаголъи? [Гамзатов, 1991, с. 222]

Заблудившиеся рыбаки,
 Коней потерявшие всадники,
 Находясь вдали от родины,
 В чем смысл вашей жизни?
 (*Подстрочный перевод здесь и далее А.М. Муртазалиева*)

Или:

Роржун рачІунел хІанчІи,
 Бице, киса нужали?
 ХІанчІи чІичІилел руго,
 Дагъистанилан абун [Гамзатов, 1991, с. 223].

Перелетные птицы,
 Скажите, откуда вы?
 Птицы щебечут,
 Мы из Дагестана.

Здесь автор не только заявляет темы произведений, но и намечает их решение, демонстрируя цельные формулы лирических переживаний, своего душевного состояния.

Для поэта, впервые столкнувшегося с миром национальной эмиграции, наблюдающего ее жизнь, остается загадкой присутствие в ней таких аксиологических ценностей, как родной язык, родные имена, национальный дух, которые в его понимании не могут полноценно функционировать в отрыве от таких сакраментальных явлений, как родина, Дагестан. В его обращениях к соотечественникам, оформленных в метонимические выражения («*заблудившиеся рыбаки*», «*коней потерявшие всадники*», «*древняя ветвь, оторванная от аварского народа*»), подчеркивается двойственность их положения: они часть его народа и в то же время оторваны от него и принадлежат другому социуму. Именно этим и продиктовано стремление поэта вникнуть в неизведанный мир диаспоры, мир знакомый и чужой, мир близкий и далекий, в психологию соот-

еественников, чтобы понять диалектику их бытия, философию жизнеспособности людей, вся энергия которых направлена на сохранение на чужбине своей национальной идентичности.

Образ дагестанского мухаджира, шире – поэтический модус национальной эмиграции, создается Гамзатовым посредством удачно избранной позиции, взгляда на него изнутри и со стороны, через обращения, оформленные в метонимические выражения, риторические вопросы, неоднократные повторы одних и тех же слов и выражений («скажите», «там», «здесь», «перелетные птицы»). Это свидетельствует о его стремлении адекватно вникнуть в онтологию диаспоры, выявить систему нравственно-этических и гражданских ценностей ее представителей. Такое стремление ощутить, понять неоднозначный мир дагестанского зарубежья, в котором сохранены и функционируют аксиологические элементы этнической культуры в виде родного языка, национальных имен, национальной ментальности, вполне органично и естественно для Р. Гамзатова, родившегося на исторической родине, сформировавшегося на таких ценностных понятиях, как родина, народ, Дагестан, впитавшего его дух и атмосферу.

Именно этими ощущениями и вызваны в стихотворении «Перелетные птицы» многократные обращения лирического героя к птицам, прилетающим с родины, в которых выражено желание узнать все о том таинственном, сакральном ему мире под названием «Дагестан»:

Роржун рачунел хІанчІи,
Бице Дагъистанальул,
Доба бакъ кин баккулеб,
Доба къо кин лъугІулеб...
...Роржун рачІунел хІанчІи,
Бице Дагъистанальул,
Дора тІугъдул раккулищ,
Дора иццал беролищ... [Гамзатов, 1991, с. 223]

Перелетные птицы,
Расскажите о Дагестане,
Как там восходит солнце,
Как там кончается день...
...Перелетные птицы,
Расскажите о Дагестане,
Растут ли там цветы,
Есть ли там источники...

Подобная поэтическая лексика, синтаксис определили и интонацию стихотворений, их подчеркнута национальный и гуманистический характер, их размеренные и вместе с тем энергичные ритмы, экспрессивность и образность языка.

В эпоху социально-политических и общественных изменений в середине 1980-х гг. тема национальной диаспоры находит свое новое осмысление в творчестве Р. Гамзатова. В этот период им были написаны

стихотворения «Смерть Камиля» и «Птица Миасат, кричащая: “Родина”, “Родина”», адресованные частным личностям, представителям дагестанской диаспоры. Но, как принято у поэта, через эти конкретные адресные послания он приходит к философскому осмыслению проблемы родины и судеб ее граждан, смысла и цели человеческого бытия. В этом плане заслуживает внимания стихотворение «Смерть Камиля», поводом к написанию которой послужила кончина близкого для Гамзатова человека – его друга, кунака, прекрасного человека, активного деятеля дагестанской диаспоры Турции аварца Мухамада-Камиля Оздемира.

Потрясенный вестью о смерти друга, Р. Гамзатов в поэтической форме выразил соболезнование жене покойного – Зайнаб. Грустная элегия открывается скорбным обращением к супруге покойного, представленной в образе кукушки со сломанными крыльями («*кваркъаби рекараб къваридаб гагу*»), а еще шире – ко всей дагестанской диаспоре, в лице общественности города Ялова, в котором проживает большое количество этнических аварцев:

Кваркъаби рекараб къваридаб гагу –
 Къаншаралиш, Зайнаб, Камилил берал?
 Каранзул раКалгул тIутIурал чIваби,
 ТIерхъаниш хъухъикье кидагосеб нур?
 О, Яловаяльул жамагIатчагIи,
 Жакъа хъахIаб бетIер дирги далана.
 Босфоралда сунел чирахъал рихъун,
 Гъаб черхалда гъаргъар дидаги бана [Гамзатов, 1997, с. 85].

Печальная кукушка со сломанными крыльями,
 Закрылись, Зайнаб, глаза Камиля?
 Порванные струны сердца в груди,
 Скрылся в тумане вечный луч?
 О, общественность Яловы,
 Сегодня склонилась и моя седая голова.
 Видя, как гаснут на Босфоре фонари,
 И мое тело охватил озноб.

Чрезвычайно эмоциональная, максимально метафоризированная речь передает глубокую печаль автора, которую трудно выразить напрямую, простым, соответствующим ситуации языком. И потому свое взволнованное состояние, отношение к происшедшему он выражает лаконично и вместе с тем иносказательно, образно, соответствующими средствами поэтической выразительности – метафорическим выражением: «*И мое тело охватил озноб...*» («*Гъаб черхалда гъаргъар дидаги бана...*»).

Таким же метафорическим языком в стихотворении говорится о скорби исторической родины по поводу кончины на чужбине одного из ее сыновей. Горестное состояние родины передается посредством олицетворенных образов, опавших на склонах гор листьев, стонущих волн Аварского Койсу:

МагIарул гьулдузде гьутIбуз рехарал
 ТIанхал руго лица хьатикь кIвекIулел, –
 Гьез гьарулеб буго дов тIупулелгур
 ТIаде рехеян жал хабадейилан [Гамзатов, 1997, с. 85].

Я мну в ладони разбросанные деревьями
 На горных склонах листья, –
 Они просят, чтобы разбросали
 Их над его могилой.

После первых четырех вступительных строф меняется рисунок поэтического мира, контур развития лирического сюжета: поэт напрямую обращается к покойному. В изображении картины одинокого могильного камня, возвышающегося в центре мироздания, на границе двух континентов, как символ их единства и нерушимости, выражена идея бесценности, уникальности человеческой памяти, как одного из гарантов сохранения этого единства, основы земной цивилизации.

В словах, адресованных покойному, выражены самые добрые, нежные, теплые чувства. Слова «дорогой», «простой», «нрав и речь хорошие», «река источника жизни» и другие характеризуют Камиля, как человека нравственных устоев, высокой культуры и доброты, чья кончина стала для поэта большой трагедией, личностной драмой:

Хирияв, гIадатав, гIамал, мацI льикIав,
 ГIумрудул ищул лгьар араб гьаб сали.
 Дир Дагьистаналда кьалбал хутIараб,
 Хирияб бегьаро бечIараб улка [Гамзатов, 1997, с. 86].

Дорогой, простой, нрав и язык хорошие,
 Этот песок, куда ушла река источника жизни.
 В моем Дагестане корни оставивший,
 Страна, где увял дорогой тополь.

Стихотворение «Смерть Камиля» окрашено разнообразными эмоциональными оттенками, характеризующими состояние поэта, его отношение к случившемуся, к лирическим персонажам. Палитра средств художественно-эстетической выразительности, передающих эти оттенки, достаточно богата и разнообразна. В частности, она представлена анафорой («кьо-льикI»), метафорами («печальная кукушка со сломанными крыльями», «порванные струны сердца в груди»), олицетворением («волны Аварского Койсу стонут у моста о Камиле»), эпитетами («простой могильный камень»), гиперболой («на границе Европы и Азии нахожусь я»), метонимией («дорогой тополь») и пр.

В поэтических рефлексиях, переживаниях поэта по поводу тяжелой утраты как одно из ведущих положений наблюдается мотив прощания. Он звучит в последних трех строфах, как пожелание, напутствие своему другу, уходящему навсегда в мир иной. В этих пожеланиях заключены и констатация двойственности социального и человеческого статуса

покойного, по своей природе принадлежавшего двум обществам – Дагестану и Турции («аварец-турок», «турок-аварец»), и безграничная благодарность Дагестану – земле, откуда его корни, а также признательность Турции – стране, которая стала для него второй родиной.

Прощальные слова поэта, адресованные другу, это одновременно и обращение к соотечественникам, живущим как на чужбине, так и в Дагестане, с призывом помнить свои корни, беречь национальные и духовные ценности, любить свой народ, чувствовать свою сопричастность к нему независимо от места нахождения и проживания.

Из одиннадцати строф стихотворения последние три начинаются с одной и той же синтагмы «кьо-лъикI» (дословно «день хороший»), представляющий усеченный вариант аварской формы прощания «кьо-мех лъикI» («дню-времени всего хорошего»). Использование этого словосочетания в качестве средства поэтического выражения – анафоры, безусловно, усиливает авторскую речь, оно придает ей ярко выраженную экспрессию, а внутреннему состоянию поэта – явную выразительность и эмоциональный настрой. Как отмечает Ч.С. Юсупова [Юсупова, 2005, с. 321], синтагма «кьо-мех лъикI» – весьма сложная форма прощания в аварском языке. В ее семантике – «дню-времени всего хорошего» – нет привычного для других видов прощания пожелания встречи – «до свидания», «до встречи», «пока» и т. д. В нем заключено пожелание доброты, удачи, позитивного настроения, хорошего времяпровождения, которые уходящий адресует тем, с кем он прощается. Анафорическое использование в элегии выражения «кьо лъикI» говорит о многосмысловой значимости его для автора, о заключении в нем важнейших, знаковых интонаций, душевного состояния, настроения и мысли, которые он стремится высказать в адрес умершего:

Кьо-лъикI, авар-туркав, тамахъаги дуй
 Мун къабул гъабураб гъаб ракъул бусен.
 Дуда хабал макъиль цере тIамаги
 ТIадегIанал сиял Дагъистаналъул.
 Кьо-лъикI, турк-аварав, гъаб улкаялъе
 Баркала, кьо ккедал, къварид мун течIеб.
 Гъадинго дагъаб халкъ, тIальидал миллат,
 Щибаб тIор – хазина нильер хуралъул [Гамзатова, 1997, с. 86].

Прощай, аварец-турок, пусть будет мягкой
 Тебя приютившей этой земли постель.
 Пусть тебе в могильном сне приснятся
 Высокие башни Дагестана.
 Прощай, турок-аварец, этой стране
 Спасибо, что в горький час тебя приютила.
 И так мал народ, нагорья нация,
 Каждый колосок – сокровище в нашем поле.

В рассматриваемой элегии выражены глубокая душевная скорбь, печаль по поводу ухода из жизни дорогого для поэта человека, грусть рас-

ставания, горечь прощания, и связанное с ним по традиции пожелание вечного покоя в той земле, которая дала ему приют и стала местом последнего пристанища. Вместе с тем мотив «благодарности-прощания», звучащий в пожеланиях поэта и являющийся одним из основных лейтмотивов произведения, содержит также изменившийся взгляд Р. Гамзатова на проблему национальной диаспоры, трансформацию философской концепции ее восприятия.

Литература

- Гамзатов Р. Мой Дагестан. Махачкала: Дагучпедгиз, 1985. 440 с.
 Гамзатов Р. Собр. соч. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1991. Т. 2. На авар. яз. 424 с.
 Гамзатов Р. Собр. соч. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1997. Т. 8. На авар. яз. 456 с.
 Федосеева Л.Г. Национальные диаспоры как предмет исследования // Культурная диаспора народов Кавказа: генезис, проблемы изучения: материалы междунар. науч. конф. Черкесск, 14–19 октября 1991 г. Черкесск, 1993. 534 с.
 Юсупова Ч.С. Расул Гамзатов в расколоте мире. Махачкала: ГУП «Типография ДНЦ РАН», 2005. 384 с.

References

- Gamzatov R. *Moi Dagestan*. Makhachkala: Daguchpedgiz, 1985. 440 p. (In Russian).
 Gamzatov R. *Sobr. soch.* Makhachkala: Dagknigoizdat, 1991. T. 2. Na avar. yaz. 424 p. (In Avar.).
 Gamzatov R. *Sobr. soch.* Makhachkala: Dagknigoizdat, 1997. T. 8. Na avar. yaz. 456 p. (In Avar.).
 Fedoseeva L.G. Natsionalnyye diaspori kak predmet issledovaniya. *Kulturnaya diaspora narodov Kavkaza: genezis, problemy izucheniya: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. Cherkessk, 14–19 oktyabrya 1991 goda. Cherkessk, 1993. 534 p. (In Russian).
 Yusupova Ch.S. *Rasul Gamzatov v raskolotom mire*. Makhachkala: GUP «Tipografiya DNS RAN», 2005. 384 p. (In Russian).

Ahmed M. Murtazaliev, Fatyma H. Muhamedova, Marzhanat N. Nabigulaeva (Makhachkala, Dagestan, Russian Federation)

The world of national emigration in Rasul Gamzatov's works

The creativity of the outstanding poet of the present Rasul Gamzatov is the unique phenomenon which contains completeness of poetic and philosophical comprehension of the world and national peculiarities of his people. From this point of view it would be interesting to consider the problem of the philosophical concept of perception by Rasul Gamzatov of such a complex and ambiguous phenomenon as national emigration, its nature and psychology, to reveal the features of artistic interpretation of this problem.

Key words: *diaspora, Rasul Gamzatov, ethnocultural consciousness, native language, elegy, historical homeland.*

Ahmed M. Murtazaliev – Ph.D. of philology, head of the center of Ramsul Gamzatov's literature heritage study. Institute of Language, Literature and Arts of G. Tsadas. Makhachkala, Russian Federation. +7-928-673-78-13; e-mail: ahmurt@mail.ru

Fatyma H. Muhamedova – Ph.D. of philology, chief science worker of the center of Ramsul Gamzatov's literature heritage study. Institute of Language, Literature and Arts of G. Tsadas. Makhachkala, Russian Federation. +7-967-397-02-39; e-mail: fmuhamedova@mail.ru

Marzhanat N. Nabigulaeva – candidate of philology, science worker of the center of Ramsul Gamzatov's literature heritage study. Institute of Language, Literature and Arts of G. Tsadas. Makhachkala, Russian Federation. +7-988-642-44-68; e-mail: nabmar2012@yandex.ru